

УДК 34.343

Гуров Александр Александрович

*Магистрант 2 курса, факультет Юриспруденция, МП «Уголовное
право и криминология, уголовно-исполнительное право»*

Забайкальский Государственный университет

Россия, г. Чита

ОСОБЕННОСТИ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА

***Аннотация:** одним из элементов, характеризующих содержательную сторону уголовно-правовой политики, является обнаружение негативных явлений, с которыми необходимо бороться уголовно-правовыми средствами. Эффективность такого рода борьбы достигается путем криминализации или дифференциации уголовной ответственности за общественно опасные деяния. В доктрине уголовного права неоднократно высказывались предложения о выделении из общего состава мошенничества отдельных его видов. При этом как в теории, так и на практике особое внимание уделяется вопросам правового регулирования отношений, связанных с предпринимательской деятельностью, в том числе возникающих в связи с совершением противоправных деяний в указанной сфере.*

***Ключевые слова:** мошенничество, преступление, объективная сторона, способы совершения преступления.*

FEATURES OF METHODS OF COMMITTING FRAUD

***Abstract:** one of the elements characterizing the substantive side of criminal law policy is the detection of negative phenomena that need to be combated by criminal law means. The effectiveness of this kind of struggle is achieved by*

criminalizing or differentiating criminal liability for socially dangerous acts. In the doctrine of criminal law, proposals have been repeatedly made to distinguish certain types of fraud from the general composition. At the same time, both in theory and in practice, special attention is paid to the issues of legal regulation of relations related to entrepreneurial activity, including those arising in connection with the commission of illegal acts in this area.

Keywords: *fraud, crime, objective side, methods of committing a crime.*

Динамичное развитие общества, появление новых форм общественно опасных посягательств на собственность способствовали дополнению уголовного закона ч. 5—7 ст. 159 УК РФ, устанавливающими ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности.

Одной из отличительных черт объективной стороны данной разновидности мошенничества является указание на то, что оно совершается в сфере предпринимательской деятельности.

С позиции теории состава преступления данный признак является описанием обстановки совершения противоправного деяния. Использование термина «сфера предпринимательской деятельности» затрудняет применение действующих уголовно-правовых норм, так как этот термин не имеет легального определения ни в материальном, ни в процессуальном законодательстве. В связи с этим Г.А. Есаков отметил, что данный технический прием законодателем выбран неудачно. Автор пояснил, что этот признак описывает сферу экономической деятельности, где совершается преступление, а не саму экономическую активность. Другими словами, в сфере предпринимательской деятельности могут быть неисполняемы различные договорные обязательства, в том числе не связанные с предпринимательской деятельностью как таковой. И напротив, что более важно, предпринимательская по существу деятельность, но совершаемая

лицом, формально не включенным в эту сферу, не дает оснований — также формально — для квалификации содеянного по статье, предусматривающей ответственности за данный вид мошенничества.

Полагаем, что отсутствие конкретизированного определения данного термина в УК РФ, а также иных нормативных актах не дает оснований считать, что он не имеет законодательно установленных границ, в силу чего недопустимо его произвольное истолкование. Указанная законодательная небрежность преодолевается путем системного анализа действующего законодательства. В связи с этим попытаемся ответить на вопрос: что следует относить к «сфере предпринимательской деятельности» в целях квалификации деяния по ч. 5-7 ст. 159 УК РФ?

В силу того что нет какой-то отдельной области общественной жизни, в которой только и осуществляется предпринимательская деятельность, при раскрытии содержания признака «сфера предпринимательской деятельности», с нашей точки зрения, следует отталкиваться от законодательного определения термина «предпринимательская деятельность», который, в отличие от термина «сфера предпринимательской деятельности», имеет легальное толкование [1].

С позиции теории предпринимательского права большинство авторов признают, что легальное определение термина «предпринимательская деятельность» раскрыто в п. 1 ст. 2 ГК РФ. Говоря о сфере применения указанного определения, В. В. Лаптев отмечает, что, будучи сформулированным в ГК РФ, данное определение ориентировано на отношения, регулируемые этим законом. На наш взгляд, если в теоретическом плане такая позиция имеет право на существование, то с точки зрения практики она необоснованна, что неоднократно отмечал Верховный Суд РФ.

В частности, в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления

в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» позиция Верховного Суда по аналогичному вопросу выражена следующим образом: «Для разрешения вопроса о предпринимательском характере деятельности судам надлежит иметь в виду, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке... преступления... следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности.»

По нашему мнению, системное толкование уголовно-правовых норм в совокупности с нормами гражданского права позволило Верховному Суду сформировать ориентир для правоприменителя при решении вопроса о наличии или об отсутствии признака «сфера предпринимательской деятельности» при квалификации конкретного мошеннического посягательства. Отсюда к «сфере предпринимательской деятельности» необходимо относить такую область экономической активности, которая отвечает критериям предпринимательской деятельности, то есть обладает ее признаками, а именно: самостоятельностью, рискованностью, направленностью на систематическое получение прибыли и организованностью надлежащим образом.

Признак самостоятельности подразумевает под собой независимость, действие от своего имени, характеризует имущественную и организационно-

правовую самостоятельность предпринимателя. В свою очередь, рисковый характер деятельности исключает принятие со стороны предпринимателя исчерпывающих мер, позволяющих избежать убытков в имущественной сфере.

Сложность признака «направленности на систематическое получение прибыли» заключается в том, что в юридической доктрине он толкуется неоднозначно в связи с различным пониманием терминов «систематичность» и «направленность на получение прибыли». Например, в одном случае систематичность рассматривается как деятельность, характеризуемая целевой направленностью на совершение не одно-, двух-, трехразовых актов, а многочисленных, не ограниченных количественным пределом актов-операций, сделок, действий. В другом случае она заключается как в совершении многочисленных сделок, так и в совершении одной крупной сделки, выполнении какой-либо значительной работы, оказания услуг, в процессе которых фактически осуществляется система действий, направленных на извлечение прибыли.

Важно отметить, что ни в нормативных актах, ни в юридической доктрине не содержится каких-либо критериев, однозначно характеризующих термин «систематичность». Тем не менее судебной практикой выработана правовая позиция, согласно которой лицо, осуществляя предпринимательскую деятельность, должно ставить перед собой цель не разового извлечения прибыли, а ее получения на постоянной основе. Так, Верховный Суд РФ разъяснил, что «отдельные случаи продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг лицом, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, не образуют состав данного административного правонарушения при условии, если количество товара, его ассортимент, объемы выполненных работ, оказанных услуг и другие обстоятельства не свидетельствуют о том, что данная деятельность была направлена на систематическое получение прибыли».

Вторым критерием, указывающим на осуществление мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, является статус субъекта данного вида мошенничества.

Так, ссылаясь на п. 1 ст. 2 ГК РФ, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что субъектом предпринимательского мошенничества является лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью, — собственник предприятия (организации), руководитель (директор и т.п.), индивидуальный предприниматель, их представители. М. являлся субъектом предпринимательской деятельности, так как был одним из учредителей и с 01.12.1998 — генеральным директором общества, которое было учреждено до указанных в приговоре обстоятельств. Таким образом, действия М. следует квалифицировать как мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, совершенное в особо крупном размере [2].

Третий критерий, который в совокупности с иными может, по мнению судов, свидетельствовать о совершении мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, — время существования хозяйствующего субъекта. Другими словами, длительность функционирования коммерческой организации может послужить одним из оснований для отнесения деяния к разряду предпринимательских преступлений.

Некоторые криминалисты, ссылаясь на ч. 3 ст. 20 УПК РФ, устанавливающую особый порядок уголовного преследования в отношении мошенничества и других преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности, отмечают, что необходимо ограничить круг таких преступлений, исключив из него противоправные деяния, причиняющие вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной

компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо когда предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество.

Однако с этой позицией согласиться сложно, так как она не имеет под собой юридических оснований, на что, в свою очередь, было обращено внимание в научной литературе. Так, П.С. Яни, анализируя ч. 3 ст. 20 УПК РФ, обоснованно пришел к выводу, что обозначенная норма уголовно-процессуального законодательства показывает, что соответствующие ограничения законодателем введены только в целях определения порядка возбуждения уголовных дел. К тому же, как нами уже было отмечено, в примечании 4 ст. 159 УК РФ законодатель однозначно, без каких-либо изъятий, обозначил сферу действия ч. 5-7 ст. 159 УК РФ, в рамках которых, согласно ст. 113 ГК РФ, мошенническое посягательство в сфере предпринимательской деятельности может быть совершено в отношении имущества государственного или муниципального унитарного предприятия [3].

Пятый критерий, который, как нам думается, можно взять за основу при решении названной выше проблемы, основывается на идее, ранее высказанной А.С. Барабашом и А.П. Севастьяновым применительно к ст. 159.4 УК РФ. Эти авторы отметили, что вопрос о том, относятся соответствующие отношения к сфере предпринимательской деятельности или нет, достаточно полно решен по существу только при разграничении подведомственности арбитражных судов и судов общей юрисдикции.

По нашему мнению, было бы вполне уместно для отграничения общего состава мошенничества от его специальной разновидности (ч. 5-7 ст. 159 УК РФ) использовать тот же подход, который используется для разграничения отношений, связанных и не связанных с предпринимательской деятельностью, при решении вопросов о подведомственности гражданских споров

арбитражным судам. В частности, в ч. 1 и 2 ст. 27 АПК РФ разъясняется, что «арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Арбитражные суды разрешают экономические споры и рассматривают иные дела с участием организаций, являющихся юридическими лицами, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус индивидуального предпринимателя, приобретенный в установленном законом порядке». Похожее разъяснение содержится в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», где отмечено, что «споры между гражданами, зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, а также между указанными гражданами и юридическими лицами разрешаются арбитражными судами, за исключением споров, не связанных с осуществлением гражданами предпринимательской деятельности.. Учитывая, что гражданин, занимающийся предпринимательской деятельностью, но не прошедший государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя, не приобретает в связи с занятием этой деятельностью статуса предпринимателя, споры с участием таких лиц, в том числе связанные с осуществлением ими предпринимательской деятельности, подведомственны суду общей юрисдикции».

Список источников:

1. Гармаев Ю.П., Степаненко Р.А. Коррупционное посредничество и связанное с ним мошенничество как объекты уголовно-правовых и криминалистических исследований // Lex russica. 2017. N 10. С. 131 - 146.

2. Кошаева Т.О. Уголовно-правовые средства противодействия мошенничеству, совершаемому в сфере предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2020. N 7. С. 122 - 132.

3. Подваркова М.Ю. Некоторые проблемы разграничения гражданско-правовых отношений и уголовно наказуемого деяния, разграничения мошенничества со смежными составами преступлений против собственности, совершаемых путем обмана и злоупотребления доверием // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. N 7. С. 76 - 82.